

Богатая Л.Н. ЭКВИВОКАЦИЯ КАК МЫСЛИТЕЛЬНАЯ ПРОЦЕДУРА

Интерес к переосмыслению идеи эквивокации во многом определен стремлением автора прояснить методологические основания постмодернизма, господствовавшего в культуре в конце XX века. Структура постмодернистских текстов, напоминающих коллаж, составленный из отдельных фрагментов, в качестве простейших элементов содержит соединение как минимум двух частей, принадлежащих различным текстам. В связи с этим возникает вопрос о том, какова методологическая цель *рядоположения* достаточно различных объектов? Поиски ответов на этот вопрос ведут к актуализации представлений об *эквивокации*.

Целью данной работы является выяснение современного уровня понимая *эквивокации*, обнаружение характера связи между *эквивокацией* и *тропологическим мышлением*. В ходе проведения исследования рассматривались, сопоставлялись взгляды на природу эквивокации С.Бозция, Пьера Абеляра, Гильберта Порретанского, Ж.Делеза а также современных философов С.С.Неретиной, Л.А.Микешиной.

Представления об эквивокации

Как известно, введение представлений об *эквивокации* в сферу философских рассуждений принадлежит Северину Бозцию – христианскому философу и римскому государственному деятелю (480 - 524 г.н.э), выполнившему латинские переводы логических сочинений Аристотеля. В своих «Комментариях к «Категориям» Аристотеля» Бозций называет *эквивокальным то*, «у чего одно имя общее, а соответствующий имени смысл (*ratio*) субстанции - различный», т.е. эквивокативными (равнозвучными или двусмысленными) по Бозцию оказываются такие именованья, у которых одному имени соответствуют разные смыслы. Термином *эквивокация* Бозций переводил аристотелевский *омоним*, подчеркивая при этом в произведенном терминологическом замещении дополнительную смысловую нагрузку. В современных языках, к примеру, русском и французском, одновременно существуют оба термина и отсюда возникает необходимость проведения для них более тонкого смыслового различия.

Эквивокация, по Бозцию, включает в себя омоним, но содержит еще *нечто*. Бозций, например, подчеркивал, что эквивокация характерна не только для имен, но и для союзов, предлогов, глаголов, выражающих в одних случаях активное значение, в других – пассивное [5, с. 31].

Отличие *эквивокации* или *двусмысленности* у Бозция от аристотелевской *омонимии* заключается еще и в том, что у Аристотеля речь шла о *разных* вещах, имеющих одно и то же имя (к примеру, живой человек и нарисованный), Бозций же, не исключая этого значения, заострял внимание на двусмысленности, возможной для *одной* и той же вещи.

В работе «Тропы и концепты» [5] современная российская исследовательница С.С.Неретина отмечает: «прекрасно зная, что в латыни употребляется термин «*homonymus*», Бозций хотел выразить не только то, что есть слова, разные по смыслу, но одинаково звучащие, но и то, что разные смыслы одного и того же слова не исчезают при определении (как ни желай избавиться от двусмысленности), а исподволь воздействуют друг на друга, позволяя логическое прочесть как метафорическое» [5, с. 140]. Введением термина эквивокация подчеркивается возникновение смыслового двухголосия у одного и того же слова. Именно это смысловое двухголосие оказалось причиной того, что *эквивокация* стала рассматриваться как *логическая ошибка* и потому в «Словаре логики» термин *эквивокация* определяется как *логическая ошибка*, заключающаяся в том, что одно и то же слово используется в разных значениях в одном рассуждении. В силу того, что слова естественного языка, как правило, многозначны, поэтому всегда существует опасность совершить эквивокацию в рассуждении или понимании рассуждения. И именно отсюда за термином *эквивокация* в современном языке закрепилось значение *двусмысленности*, приводящей к логической ошибке.

Бозций же термином эквивокация зафиксировал, в первую очередь, сам факт существования обнаруженного феномена, в соответствии с которым «эквивокальное связывается именем, но различается определением». Помимо этого, в рассуждениях Бозция обнаруживается намек на то, что под эквивокацией следует понимать не только фиксацию обнаруженного феномена. Бозций замечает, что «эквивокальными являются вещи, эквивокация же — слово». Более полный смысл этого слова можно обнаружить из следующих его рассуждений: «мы прослеживаем отдельные положения определения Аристотеля. Вещи, указывает он, не являются эквивокальными сами по себе, если не называются одним именем, поэтому, чтобы быть эквивокальными, они получают [наименование] от общего имени; правильно говорит [Аристотель]: «называются эквивокальными», ведь они не суть эквивокальные, но называются таковыми». Из сказанного можно заключить, что эквивокальность *обнаруживается*. Если что-либо именуется эквивокальным, из этого вытекает, что за конкретным именем *обнаруживаются* два смысла. Это очень важное замечание, ибо подобное *обнаружение* возможно только в результате определенной мыслительной деятельности, когда *обнаруживающий* может одновременно зафиксировать и мысленно удерживать два смысла. Следовательно, эквивокацию можно рассматривать не только как некоторый феномен закрепления за одним именем двух смыслов, но и как именование мыслительной процедуры *одновременного удерживания (одновременной фиксации)* двух смыслов.

Вполне понятно, что представление о двусмысленности (эквивокации) оказались весьма продуктивны при развитии теологии. Теология предполагает осуществление средствами естественного языка рассуждений о божественном. При этом двусмысленность возникает в результате пересечения двух планов бытия – *профанного* и *священного*.

Представление об эквивокации активно развивалось в трудах некоторых средневековых философов – Пьера Абеляра и Гильберта Порретанского, ученика Ральфа и Ансельма Ланских.

Причину эквивокации Пьер Абеляр понимал в двойственном существовании любой вещи – для Бога и для человека. А потому проблема, которую Абеляр пытался разрешить, заключалась в том, чтобы найти способ переключения смыслов вещи [5, с. 40].

Теологические рассуждения Гильберта также были призваны связать божественное и человеческое в одном суждении. Именно в связи с этим и оказалась востребованной идея эквивокации.

И Абеляр и Гильберт Порретанский обратили внимание на то, что введение эквивокации оборачивается допущением парадоксальности высказывания, ибо у двусмысленного по природе не может быть единого определения, оно изначально парадоксально. Тем самым, эквивокация и парадокс оказались достаточно тесно связаны.

В средневековой философской мысли представление об эквивокальности также сопрягалось с представлением о *целом*. Гильбертом было даже сформулировано утверждение о том, что «эквивокальным является любое целое, тогда как моновокальным – часть» [5, с. 36].

Как уже было отмечено, причина, по которой представления об эквивокации было столь активно поддержано Абеляром и Гильбертом Порретанским во многом определялась необходимостью теологического толкования библейских текстов. В ходе этого толкования одно и то же слово оказывалось, с одной стороны, причастным Божественному откровению, сохраненному в библейском тексте, с другой – языку обыденному.

Современная культурная ситуация в некотором смысле схожа со средневековой. Отличие заключается в том, что обыденный язык сталкивается не с языком священных текстов, а с языками научными либо философскими. Зачастую, слова естественного и научного языков звучат одинаково, однако несут различные смысловые нагрузки. Аналогичная ситуация имеет место и при сопоставлении научного языка и языка философии. Именно поэтому представления об эквивокации оказываются столь актуальны сегодня.

Если эквивокацией осуществляется закрепление двух смыслов в одном слове, то можно поставить вопрос о том, почему одно слово обладает разными смыслами? Очевидно, что поиски ответов на этот вопрос могут проводиться в различных направлениях, одно из которых связано с осмыслением процессов языковой дифференциации.

Постановка многих проблем языкознания уходит своими корнями в глубокую древность. Как известно, в истоках языкознания лежат три научных традиции: древнеиндийская, классическая и арабская, каждая из которых внесла соответствующий вклад в развитие науки о языке.

Наиболее древней научной традицией исследования языка является древнеиндийская, возникновение которой было обусловлено причинами практического порядка. В ходе исторического развития язык Вед, древних религиозных гимнов, стал существенно отличаться от форм разговорного языка древней Индии – пракритов. Обнаружилась необходимость, с одной стороны, сохранить точность произношения священных гимнов и обеспечить их понимание, а с другой стороны, уберечь язык от влияния пракритов и осуществить нормализацию санскрита как литературного языка. Результатом этих процессов стало формирование высоко развитой науки о языке.

Причины, стимулирующие возникновение языкознания в Индии не являются специфическими именно для этой культуры.

Сходные процессы стимулировали бурное развитие арабского языкознания в эпоху халифата (VII–XII вв.). В этот период возникли очевидные различия между языком религии и разговорным языком, которые с течением времени стали проступать все отчетливее. Значительную роль при этом играла необходимость сделать доступной для мусульман инородного происхождения Коран – священную книгу ислама. И опять же, очень важно было защитить классический язык от неблагоприятных влияний со стороны многочисленных арабских диалектов.

И в Индии, и в арабском мире язык религиозных текстов оказался недоступным для большей части населения, которое в основной своей массе не способно было его понять. Таким образом, первые научные опыты языкознания были призваны отреагировать на возникшую ситуацию дифференциации языка.

Очевидно, что многие слова естественных языков существовали (и существуют) в двух планах – в плане священных текстов и в плане бытовом. Каждый из планов порождает разные смыслы. В результате этих процессов и формируется ситуация, при которой одно и то же слово обладает двойным смыслом. Можно предположить, что именно этот факт и зафиксирован термином *эквивокация*. Отсюда допустимо сделать вывод том, что одна из причин, вызвавших появление смыслового двухголосия, связана с процессами языковой дифференциации.

Дальнейшая языковая дифференциация обусловлена выделением в рамках естественных языков – языков специальных: языка философии, языка науки, литературного языка, языков искусства и т.п. Функционирование некоторых слов в рамках указанных языков приводит к возникновению новых смыслов. Отсюда, вновь возникает феномен эквивокации, когда обнаруживается, как минимум, два смысла у используемого слова. Современное повышенное состояние языковой дифференциации делает феномен эквивокации вновь актуальным, как и во времена средневековой философии.

Развитие специальных языков приводит к формированию специальных смысловых пространств (более подробно о смысловых пространствах см, например, [1]). В результате этого развития за одним и тем же словом естественного языка закрепляются разные смыслы, фиксируемые в различных смысловых пространствах.

Представления о специальных языках и соответствующих им локальных (специальных) смысловых пространствах интересно соотнести с размышлениями Ж. Делеза о промежуточных реальностях, реальностях *хаотидных* или *хаоидных*. Применительно к этим реальностям Делез использует выражение «мен-

тальный хаосмос» [3, с. 265]. Немного измененное выражение - *ментальный осмос* можно использовать для обозначения процессов *выравнивания смыслов* при сопряжении локальных смысловых пространств, естественно, понимая это выражение как естественнонаучную метафору.

Как известно, слово «осмос» имеет греческое происхождение и обозначает «толчок», «давление». В результате осмоса происходит односторонняя диффузия растворителя через полупроницаемую мембрану, разграничивающую растворы различной концентрации. Ментальный осмос дает возможность осуществиться своеобразной диффузии смыслов, в результате которой происходит выравнивание «смысловой концентрации» в локальных пространствах смысла.

Эквивокацию можно рассматривать как своеобразный *интегративный механизм*, дополняющий процесс *языковой дифференциации*. Эквивокация позволяет соединить в сознании оперирующего языком субъекта различные смысловые пространства, содействуя тем самым развитию *общего* пространства смысла. Отсюда мысль Гильберта Порретанского – о сопряжении *эквивокальности* и представлений о *целом* – приобретает совершенное иное звучание. Благодаря эквивокальности происходит своеобразное восстановление смысловой целостности, нарушаемой в ходе языковой дифференциации.

Если попытаться переформулировать сказанное выше, то под *эквивокацией*, в более широком смысле, можно понимать мыслительную процедуру совмещения двух смысловых планов, которая традиционно реализуется при языковом или речевом обращении к тропам. Следствием эквивокации является появление потенциальной возможности обнаружения нового смысла. Важно подчеркнуть, что эта возможность может оказаться и нереализованной, существующей лишь в потенции. Проявление или не проявление нового смысла зависит от познающего субъекта, встречающего (обнаруживающего) эквивокацию.

На основании проведенных рассуждений можно сделать вывод, что у эквивокативности как процедуры мышления просматриваются, по крайней мере, две функции: первая – *обеспечение смысловой связности пространства смысла естественного языка*, при условии сохранения относительной автономии развития локальных смысловых пространств; вторая – возможность обнаружения *новых* смыслов, отсутствующих в локальных смысловых пространствах. Эту возможность можно рассматривать как новый уровень понимания эквивокации, согласно которому эквивокация становится процедурой, способствующей процессам смыслообразования.

Если наиболее значимым для эквивокации признать закрепление за одним словом двух смысловых планов, то по способу функционирования эквивокация оказывается близка тропам и может рассматриваться как одна из процедур тропологического мышления.

Тропологическое мышление

Как известно термин *троп* ведет свое происхождение от греческого слова *tropos*, что означает поворот, оборот речи.

В стилистике и поэтике тропом называют употребление слова в смысле, при котором происходит сдвиг в семантике слова от его прямого значения к переносному. В отличие от эквивокации, совмещающей два смысловых плана в одном имени, тропы представлены *совмещением имен*, принадлежащих разным смысловым пространствам. Двуосность, привносимая использованием тропов, является специальным приемом, применяемым для повышения смыслового напряжения речи.

На соотношении прямого и переносного значений слова строятся три типа тропов: соотношение по сходству (*метафора*), соотношение по контрасту (*оксиморон*), соотношение по смежности (*метонимия*). К тропам относятся также *синекдоха*, *ирония*, *гипербола*, *эпитет* и *пр.* Очевидно, что тропы закрепляют в речи особенности индивидуального восприятия.

Интересно, что тропами называются также вставки в канонизированный текст или напев псалмов хоралов византийской и католической церкви. Эта художественная процедура стала основой для развития литургической драмы.

Указанное понимание тропа вызывает очевидную ассоциацию с постмодернистскими текстами, представляющими собой набор или некий коллаж из фрагментов других текстов. Рядоположение двух соседних элементов коллажа можно рассматривать как своеобразный троп, а весь коллаж представляет собой некоторую систему тропов или *тропологическую систему*.

Тем самым, интерес к исследованию постмодернистской методологии актуализирует внимание к изучению тропов, понимаемых уже как «процедуры движения мысли».

В современном толковании тропы рассматриваются уже не просто как обороты речи, основанные на употреблении переносных значений слов, «не просто в качестве понятий поэтики, не просто как обогащение значений (все это было в античной теории тропов и, минуя Средневековье, в Новое время вплоть до середины XX века), а в качестве способа мышления, в основании которого лежит идея творчества» [5: 5].

Как отмечает С.С.Неретина, этот способ мышления все средневековые философы и богословы, русские в том числе (Стефан Яворский), называли тропическим разумом. Тропы, как способы переноса смысла, позволяли прояснить путь «от фигурального и рационального в мистическое созерцание» равно и, наоборот: «от мистического к рациональному», обнаруживая тем самым некий «способ *переключения логического в тропологическое*» [5, с. 42].

Тропологическое мышление или *тропология* определяется С.С.Неретиной как некая совокупность фундаментальных процедур мышления, в которых троп играет роль интенции, направляющей внимание на определенный акт рационализации [5, с. 42].

Культурный переход от эпохи средневековья сопровождался культурной и, соответственно, языковой дифференциацией. Выделение религии, теологии, философии, науки, искусства в отдельные сферы челове-

ческой деятельности привело к формированию и развитию соответствующих языков и различных способов мышления. Формально-логический фундамент научного знания, требующий однозначности любого высказывания, несовместим с тропологическим мышлением. И потому, начиная с эпохи Нового времени, знаменовавшей собой начало доминирования научного способа освоения мира, и вплоть до XX века тропология была оттеснена на второй план. И все же, даже при этом общекультурном «забвении», некоторые тропы, в первую очередь – метафора, привлекали неизменный интерес не только специалистов в сфере языка, но и философов.

Отношение к тропологии на примере метафоры

Рассмотрению метафоры как способа мыслительной деятельности автором была посвящена отдельная статья [2]. Главным ее результатом стало соотнесение механизма функционирования мыслительной метафоры с принципом симметрии П.Кюри. Эта идея более подробно обсуждалась также в монографии [1].

Характерно, что конец XX века был отмечен всплеском интереса к исследованию метафоры. Как замечает Л.А.Микешина, те области опыта, по отношению к которым не образовались с помощью категоризации допонятийные структуры, осваивались по аналогии, с привлечением метафоры, подчеркивая что «привлечение метафоры для понимания опыта является одним из величайших триумфов человеческого мышления. Рациональное мышление в значительной мере опирается на метафорические модели» [4, с. 514].

При этом в философском сообществе имеет место и диаметрально противоположная точка зрения на роль метафоры. Так, Ричард Рорти, один из самых издаваемых и цитируемых философов на Западе, связывает развитие языка с *деметафоризацией*, превращением переносного смысла в прямой, фигурального языка в квазيبуквальный.

Процесс деметафоризации Рорти склонен рассматривать как исторически закономерный и желательный. Прагматистская философия, на фундаменте которой функционирует «демократическое сообщество», по мысли Рорти должна эффективно способствовать выявлению, «разметыванию» и планомерному «омерщвлению» живых метафор, превращению их в класс «легко оперируемых понятий» – «инструментов социального прогресса». Чем разнообразнее и специфичнее набор инструментов (понятий), тем богаче и жизнеспособнее культура, развивающаяся с их помощью [6]. Даже при этом, весьма поверхностном обращении к рассуждениям Рорти, обнаруживается определенная противоречивость его позиций.

Интересно отметить, что именно Рорти принадлежит идея введения представления о *комьюнити*, понимаемого прежде всего как языковое сообщество (ученых, политиков, журналистов, философов и пр.). Рорти рассматривает *комьюнити* в качестве важнейшей реальности, имеющей значение для современного человека. Пробразом для подобного толкования комьюнити послужило представление о «научном сообществе» Т.Куна. При обдумывании позиции Рорти закономерно возникает вопрос: на каком языке говорят представители *комьюнити*? Как может философ понять ученого, если языки, с помощью которых они осуществляют свою профессиональную деятельность, формируют различные локальные смысловые пространства и потому употребление философских терминов в науке и наоборот возможно только в метафорическом плане. Можно, однако, выражение «омерщвление» метафор понимать исключительно как средство лексического эпатажа и зафиксировать внимание на конструктивной стороне высказывания: закономерное (связанное с переводом с одного языка на другой) возрастание метафорических выражений в современном *комьюнити* требует пристального изучения способа их функционирования. Фактически, косвенным образом, вновь актуализируется идея обращения к формам тропологического мышления.

Призывы Рорти к превращению метафор в класс легко оперируемых понятий [6] – «инструментов социального прогресса» – содержит опять же скрытый призыв к актуализации тропологии. Ибо, как очень верно заметила С.С.Неретина, определение – самое есть троп [5, с.14], «момент, когда определение становится тропом, есть момент перефигурации и переноса смыслов» [5, с. 6].

Тем самым, и Рорти, призывающий к процессам «деметафоризации», и все сторонники позитивной роли метафор в современных языках обращают внимание на необходимость их пристального изучения.

Подводя итог можно сделать вывод, что за всеми отмеченными процессами обнаруживается интерес не просто к исследованию метафоры и эквивокации как феноменов языковой и речевой деятельности, а настоятельная необходимость прояснения форм тропологического мышления, роль которого будет возрастать по мере усиления интегративных процессов в культуре, сопровождающихся освобождением от жесткого доминирования в ментальных процессах формально-логического метода.

Источники и литература

1. Богатая Л.Н. Гештальт сознания. – Одесса: „Альянс-Юг”, 2004. – 221 с
2. Богатая Л.Н. Феномены символа и метафоры в свете принципа симметрии // Наукове пізнання: методологія та технологія. – Одеса. – 2000. – Вип.1-2. – С.95-101.
3. Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? – Спб.: Алетейя, 1998. – 288 с.
4. Микешина Л.А. Философия познания. – Poleмические главы, 2002. – 624 с.
5. Неретина С.С. Тропы и концепты. – М.: УРСС, 1999. – 278 с.
6. Rorty R. Philosophy as science, as metaphor, and politics. – Cambridge, Philosophical papers, 1995, vol. 2.